

Саце Досжан

БЕЛАЯ ЮРТА В СТЕПИ

Он появился на джайляу Майтабана в полуденный час. Ворвался неожиданно, стремительно, словно порывистый ветер. Спешился возле одинокого дома, принялся торопливо привязывать коня к столбу. Наблюдавшая за ним из юрты Айдидар невольно вздрогнула – сама толком не понимая отчего. Не то испугалась – незнакомец был большой, крепко сложенный, не то застеснялась. А может быть, проснулось в ней предчувствие надвигающейся беды? Кто знает.

Не зная как быть, девушка заметалась по дому. Будто зверек, угодивший в клетку. В этот момент в дверном проеме появилась огромная голова незнакомца.

– Есть кто дома? – прогремел зычный голос.

Айдидар стояла у двери, всем телом прижимаясь к стене и боясь выдать себя предательски громким дыханием. Человек, зашедший с улицы, вряд ли мог ее видеть – она скрывалась в тени. Мужчина пригнул голову и шагнул через порог.

– Кто-нибудь есть дома? – Стал оглядываться по сторонам. И, заметив застывшую в полумраке фигуру, произнес: – Привет. Как дела?

Кивнул головой и, не спрашивая разрешения, принялся раздеваться. Сначала снял и бросил в угол обувь, затем повесил на кереге кепку и куртку.

– Неужели нельзя оказать гостям достойный прием? – сказал недовольно, заваливаясь на кошмы.

Когда его глаза наконец привыкли к полумраку юрты, он смог разглядеть в силуэте девушку.

– Родная, чего стоишь? Нет ли чего попить?

Еще раз внимательно осмотрелся. И понял, что находится в жилище чабана. «Ну и славно. В богатом доме всегда многолюдно, а мне лучше не светиться лишний раз. Перекантоваться здесь с недельку будет в самый раз», – подумал про себя.

– Эй, у тебя язык есть?! Или я не достоин твоего внимания?! Думаешь, что за тип сюда явился?!

Поняв, что незваному гостю что-то от нее нужно, Айдидар протянула обе руки и виновато заулыбалась. «Вы что-то у меня спрашиваете?» – говорили ее глаза. Лишь сейчас мужчина понял, что она глухонемая. И лишь сейчас заметил ее красоту: открытый широкий лоб, ровные густые брови, длинные ресницы, тонкий нос со слегка заостренным кончиком, пухлые и красные, как вишни, губы.

– Такая красота! И надо ж было уродиться глухонемой! – восхитился мужчина.

Налюбовавшись девушкой, он показал жестом, что хочет пить. Айдидар послушно кивнула, достала чашку, протерла ее полотенцем, налила айран и подала мужчине. Испуг ее еще не прошел. И проходить, похоже, не собирался. Незнакомец ей явно не нравился. Передав чашку, тут же снова прижалась к стене, будто в этой стене было ее спасение.

Мужчина осушил чашку залпом, почти мгновенно, и студеным айраном, разлившимся по нутру и наполнившим его всего прохладой и негой, по всей видимости, остался доволен. Жажда его была утолена. Он снова взглянул на девушку. Та все так же жалась в углу и вздрагивала при каждом резком движении незнакомца. Ее тело, тонкое, изящное, напоминало одинокую вербу, качающуюся на ветру. Оно его волновало. Незнакомец вдруг вскочил и, схватив Айдидар за талию, резко притянул к себе. Девушка вскрикнула от ужаса. И этот крик, похоже, на него подействовал. Мужчина тут же отпустил ее – вернул чашку и вышел вон: то ли решил сильно не пугать девушку, то ли захотел проверить окрестность и убедиться, что они одни.

Перепуганная Айдидар спешно поставила чашку на место и посмотрела за дверь. Она, наивная, надеялась, что утоливший жажду незнакомец собирается уезжать.

Но мужчина и не думал покидать дом. Обойдя вокруг, он понял, что здесь кроме него и немой девушки никого больше нет. И в голову его закралась шальная мысль. Солнце нещадно палило бритую макушку. Он бросил недовольный взгляд на небо, погладил лысину.

Вдруг встревоженно фыркнул конь, стоявший на привязи. Мужчина испуганно огляделся по сторонам – не приехал ли кто. Никого видно не было. Вокруг дремотная тишина. Даже собака и та куда-то подевалась. Он снова устремил взор на дверь юрты – оттуда выглядывала девушка, не отрывая от него напряженных глаз. Видимо, конь фыркал на нее. Мужчина довольно ухмыльнулся и лениво, слегка покачиваясь, зашагал к ней. Его неспешная походка несколько успокоила девушку.

Подойдя к ней, спросил жестами, где отец. Та объяснила, что пасет скот. Мужчина поинтересовался матерью. «Уехала за продуктами в село», – ответила немая, показывая рукой в сторону горизонта, где, видимо, был населенный пункт.

Хоть и жила эта семья в отдалении, кочевала с места на место, гости для нее были явлением привычным. В большинстве своем это были скотоводы и всякого рода начальники – приезжали по делам к отцу. Вот только встречать гостей одной ей доселе не доводилось. Обычно мать потчевала их сама – гости выпивали по чашке чая и, не задерживаясь надолго, уезжали. А этот какой-то другой. Огромный, как гора. Голова большая, тяжелая. И ведет себя чересчур вольно, по-хамски. Руки распускает. А может быть, просто шутит так, и ничего плохого у него на уме нет? Может, уедет скоро? Так успокаивала себя Айдидар.

«Ох и красива же девчонка! Жаль, что глухонемая. Если б была здорова, давно бы кто-нибудь прибрал к рукам. А так даже в токалки не берут. Хотя хорошо же, что немая. Не будет донимать своей болтовней и руганью, будет делать то, что велят. Будет молча рожать детей да домашними делами заниматься», – думал меж тем великан и улыбался.

Айдидар улыбнулась в ответ. Она, бедная, не имела ни малейшего понятия о том, что таит в себе его улыбка. Глаза ее впервые взглянули на него ласково и дружелюбно. Они были прекрасны. В них можно было утонуть. Мужчина и сам не заметил, как нырнул в черноту ее зрачков и там, в бездонной глубине, растворился. И вновь в нем проснулся демон. Девушка, вероятно, это почувствовала – отпрянула, как ужаленная, нахмурила обиженно брови, закинула резким движением назад косы. «Когда сердится, еще краше становится! Одним взглядом с ума сводит!» – закрались к нему похотливые мысли. Знаками показал, что хочет еще айрану. Девушка поняла и зашла в дом. Мужчина последовал за ней.

Он схватил ее в тот самый миг, когда она, нагнувшись над бочкой с айраном, наполняла чашку. От испуга девушка выронила посуду из рук – айран разлился по полу – и устремилась в другой конец юрты. Ее извивающееся змеей, дрожащее тело взволновало его еще больше. Он набросился на нее, сам не понимая толком, что творит. Вихрь страсти унес его далеко-далеко...

Мужчина придавил хрупкую девочку всем телом... Глухонемая кричала диким, присущим лишь ей, криком, била его изо всех сил... Но что ее удары великану? Он их даже не чувствовал. Ее честь осталась на полу, как разлитый айран...

Через полчаса мужчина вышел наружу. Солнце все еще стояло в зените и все так же нещадно слепило глаза. Он вспомнил о кепке и куртке и вернулся в дом. Девушка лежала неподвижно, свернувшись в клубочек. Мужчина снял с кереге свои вещи и поспешил прочь. Он, конечно, понимал, что совершил зло, – не просто над ней надругался, а, быть может, разрушил, раздавил своим большим, могучим телом весь ее тихий незащитный мирок, – но ведь время не повернешь вспять, содеянного не исправишь. В то же время его изумило, с каким смирением приняла она свою участь – не пыталась выцарапать ему глаза, не побежала на улицу звать о помощи, даже не заплакала. «Кроткая девочка. Если б умела говорить, хорошей женой бы стала», – думал мужчина, отвязывая коня. Было ее жаль. Пожалуй, впервые в нем проснулась жалость к своей жертве. Проснулось запоздалое раскаяние. «Остаться теперь здесь не смогу. Если узнает ее отец, убьет. В лучшем случае посадят. А садиться снова в тюрьму ой как не хочется», – рассуждал он про себя.

Незадолго до этого случая из тюрем Советского Союза вышли на свободу 40 тысяч заключенных, амнистированных в честь 40-летия Победы в Великой Отечественной войне. Незнакомец, изнасиловавший глухонемую, был одним из них. Он ехал по безлюдной степи подавленный и хмурый. И сорока дней не прошло его вольной жизни, как он совершил очередное преступление – и не такое, каким можно было бы похвастаться перед друзьями, смакуя все подробности, а преступление постыдное, низкое, – надругательство над беспомощным инвалидом, не способным даже оказать сопротивление. Он брел, не зная куда, не разбирая дороги. Какое-то странное неприятное чувство снесало его изнутри – наверное, это была совесть...

* * *

Девушка смогла прийти в себя лишь к вечеру. То, что гость, – а гостей доселе она считала людьми божьими, приносящими радость и не способными на зло, – позволил себе ее обидеть, никак не укладывалось у нее в голове. Как такое могло случиться? Ведь она впустила его в свой дом, напоила айраном. И вместо благодарности...

В доме стало совсем темно. Она вспомнила, что скоро должен прибыть отец. Собрала на ощупь в потемках свое белье и спешно оделась. Волоча ноги, потянулась к выходу. Кружилась голова, ноги едва держали отяжелевшее тело. Наконец добралась до дверей и распахнула их настежь. В дом ворвался вечерний ветерок.

Айдидар взглянула на склон, откуда должен был появиться отец. Поскольку отары все еще не было видно, она решила заняться чаем и направилась к самовару. Слезы лились из глаз ручьем, сдерживать их было очень трудно, но силы таскать воду и разжигать костер все же находились. Погруженная в мрачные думы, ушедшая глубоко в себя, она и не заметила, как прибыл скот. Из забутья ее вывели Аккулак и Саккулак – как обычно, домой они прибежали первыми; увидев хозяйку, радостно завизжали и бросились под ноги. Заблеяли вернувшиеся с пастбища овцы, загалдели услышавшие их голоса голодные ягнята, залаяли собаки, и стало вокруг совсем шумно. К суматохе этой Айдидар была привычная. Каждый вечер выходила она вместе с матерью встречать скот. И на сей раз не стала рушить привычный уклад – вытерла слезы рукавом и побежала открывать ворота сарая. Но едва сделала пару шагов, как почувствовала резкую боль в боку. Девушка обхватила обеими руками поясницу и, сев прямо посреди дороги, снова расплакалась. «Что скажу отцу? Что ему скажу в отсутствие матери?» – подумала она испуганно. Но затем, собравшись, снова устремила к сараю.

Она вошла в дом вслед за отцом. Принесла самовар, большой, тяжелый. Приготовила чаю. Раздевшись и умывшись теплой водой, которую ему налила дочь, чабан Сейтхан сел за стол. Покрытый тонкой потертой скатертью дастархан был пуст – кроме хлеба ничего на нем не имелось.

– Айдидар, а горячего не приготовила? – поинтересовался он.

Целый день он бродил по степи, пас скот под палящим солнцем. Изрядно проголодался. На обед ел одну лишь лепешку. И потому на ужин хотел чего-нибудь более существенного.

Что с дочерью что-то не так, он, похоже, даже не заметил. Может, из-за того, что помещение освещалось плохо – лишь тусклой керосиновой лампой, и не видно было ее лица, а может, просто не удосужился всмотреться в нее внимательнее. Если бы была рядом мать, скорее всего, она бы сразу почувствовала неладное. А отец ничего кроме еды не спрашивает. Самой же начинать разговор о том, что случилось днем, было и боязно, и стыдно. Да и с чего начинать? Отец хочет есть, а не слушать историю ее позора. «Приболела», – объяснила она жестом.

– Ладно. Выздоровлявай. Скоро и мать твоя должна приехать, – произнес он, надламывая хлеб.

Всю ночь Айдидар провела в бдении – раз за разом прокручивала в голове случившееся, мысленно возвращалась к самым ужасным мгновениям в своей жизни. Беззвучно рыдала. А в это время ее отец, вымотавшись за день, спал крепким сном...

Спустя три дня вернулась мать. Однако и она не заподозрила в дочери ничего необычного. Если бы только Айдидар умела говорить, она рассказала бы все – злодея бы тотчас разыскали и посадили на долгий-долгий срок. Но она не знала, как объяснить случившееся с ней несчастье. А если бы и знала, смогла бы пойти на такое? Только бы зря расстроила родителей, заставила их страдать.

Шли дни, недели, а она так и не осмелилась рассказать о своем горе...

Айдидар и рада бы обо всем забыть, да не выходит: зловещий незнакомец так и стоит перед глазами, ухмыляется, тянет к ней свои большие, жестокие руки. Ее стала мучить бессонница, а если и забывалась сном, то наваливались кошмары. Appetit оставил ее. Уже и осень на дворе, и перекочевали они уже давно на осеннее пастбище – куздеу, а организм все еще отказывается принимать пищу. Более того, она даже не могла находиться подле казана – от запаха жира и мяса ее начинало выворачивать.

– Айдай, душенька, может, отравилась чем? – заперезживала ни о чем не догадывающаяся мать.

К счастью, вскоре аппетит вернулся, и девушка уже ела все подряд. Даже стала искать яства, каких и в поселке не сыскать. Дошло до того, что начала есть вяленое мясо, к которому доселе испытывала неприязнь. Кто бы ей объяснил, что с ней происходит, кто бы дал подсказку, дельный совет. Матери она все еще кажется непорочным дитем. Впрочем, она и была еще как ребенок – наивный, ничего не понимающий. Даже и подумать не могла, что причина ее недугу – беременность. Да и откуда ей такое знать, если не имеет ни малейшего представления о том, как появляются на свет дети? Живет в своем маленьком, обособленном мирке, в отдалении от всего остального мира. Растет одна, без братьев и сестер. Родители вечно заняты, не до нее. Предоставлена сама себе. Впрочем, были у нее братья, их она почти не помнит – умерли рано, от различных болезней. Возможно, поэтому держали ее родители обособленно от внешнего мира – боялись его пагубного влияния. Даже в школу не водили. Кочевали с места на место, с пастбища на пастбище... и она вместе с ними.

Мать ее Айсырга в молодости была необыкновенной красавицей. Айдидар пошла в нее. Разбила сердце многим джигитам. Да обходили они ее стороной – боялись ее отца, известного игрока в кокпар и одного из лучших борцов в округе. Мать не раз замечала, как заглядывались на ее дочь мужчины – и зоотехник, и ветврач, и даже сам заведующий фермой. Но дальше любования украдкой дело не шло. Понимали – лучше не связываться с отцом девочки.

Чем старше становилась Айдидар, тем красивее делалась. И тем тревожнее от этого было матери: не может она отдать дочь в достойную семью. Не каждый захочет иметь в невестках глухонемую, какой бы красавицей та ни была. Не тягаться ей со своими сверстницами – пусть и не чаровницы они, но зато здоровы. «Разве что выдашь за какого-нибудь старика-вдовца или такого же инвалида», – думала про себя несчастная мать.

Страдал по-своему и отец Сайтхан. Но мрачными думами своими и болью он делился отнюдь не со всеми – о его трагедии знали разве что холмы и овраги джайляу Шалькоде и Карадалы. Бывало, заедет на какой-нибудь той в аул, встретится с друзьями, кутнет с ними по полной... А потом сядет на своего гнедого и, невзирая на время суток, на погоду, гонит скот к родному дому. И лишь в пути затынет песню, заголосит на всю степь. Вспомнит и свою собачью жизнь, и несчастную жену свою, и дочь-калеку. Защемит сердце от тоски, и горькие слезы сами начинают литься из глаз. И степь молча его выслушивает, впитывает в себя его душевную боль.

А гнедой меж тем, словно понимая скорбь хозяина и сочувствуя ему, везет на себе его обмякшее непослушное тело аккуратно, осторожно, прямо к дому, не

сбиваясь ни разу с пути. Когда подъезжает к двери, навстречу выбегает Айсырга. Стягивает мужа с коня и тащит в дом. Айдидар же ведет гнедого в сарай. Ей не нравилось, когда отец возвращался из аула в таком виде. Но все, что она могла, это закрыться в сарае и, пав ниц, разразиться беззвучным плачем. Она-то понимала, хоть никто ей и не говорил, и родительскую печаль, и их полуотшельнический образ жизни. Догадывалась, что в этой их жизни что-то не так, читала это в глазах родителей.

Она, конечно, многого еще не понимала – да и откуда ей понимать, если кроме отца-матери, джайляу и отары овец ничего не видела? – но счастья ей хотелось не меньше, чем кому-либо другому. Все, что она знала, это жизнь и быт чабанов-скотоводов. В ее мире немногочленно – помимо родителей есть овцы, с десятком коров, пять-шесть лошадей да собаки. Их потомство – ее друзья. Два-три раза в год родители возят ее в поселок. Там она видит таких же, как и она сама, детей. Хочет с ними поиграть, но они ее не понимают. Разговаривают меж собой и лишь меж собой играют, ее в свой круг не пускают. Она для них другая, чужая. А если даже и пытается с ними поиграть, показывают язык, дразнят, обзывают «тупицей».

Но со временем сверстницы стали замечать, что она красива – длинные, вьющиеся волосы, белоснежное лицо, необычные украшения на ее одежде. Однажды заметил ее русский мужик-фотограф и изъявил желание ее сфотографировать. Эту фотокарточку сельчане передали отцу. Мать прикрепила ее над гобеленом. Став старше, Айдидар и сама осознала свою особенность. Ребяшня, особенно мальчишки, потянулись к ней – пытались с нею заговорить на ее языке, старались объясняться жестами. И оставались очень довольны, когда она их понимала.

Айдидар стала осознавать и свою отличительную от других девушек красоту. Заметила, что и мать красивее других женщин, и что одежда, которую она носит, ей к лицу. И ей хотелось походить на мать еще больше, быть еще красивее. Научилась у нее рукоделию – к этому ремеслу у девушки имелась способность с малых лет.

Они любили ходить с матерью в гости. Стоило им заметить там какой-нибудь красивый палас или подушки, как они, вернувшись домой, начинали шить такие же вещи сами. И получалось у них порою даже лучше оригинала. А какую одежду шила Айдидар матери и отцу – просто загляденье! Все приезжавшие к ним гости восхищались красотой этих вещей. Некоторые даже делали заказы. Видимо, не случайно ее все-таки называли Айдидар – она соответствовала своему имени – Луноликая.

* * *

К осени, когда Сейтхан перегнал отару на куздеу, Айдидар округлилась, словно полная луна. Заметил изменения в девушке даже отец.

– Сыргаш, а наша Айдай-то уже взрослая стала. Время выдавать замуж. Эх, если бы не ее недуг! – сокрушался он.

На то, что дочь изменилась, обратила внимание и мать. Но ей даже в голову не приходила мысль о том, что могло стать причиной перемены в ней.

После случившегося с ней несчастья Айдидар старалась не оставаться больше одна. Стала избегать мужчин: если они появлялись в доме, пряталась в сарае, если заходили в сарай – бежала в дом. Мать на такое ее странное поведение не обращала

внимания. «Может и правильно, что не показывается на глаза мужчинам. Увидят ее, загорятся похотливыми мыслями», – думала она с опаской.

Однажды в отсутствие отца Айдидар решила помыться. Мать вскипятила ей воду, приготовила все необходимое для мытья и удалилась по своим делам. Спустя какое-то время раздался вопль. Айсырга испугалась, бросила все дела и побежала к дочери. Айдидар сидела в тазу, схватившись за грудь. Мать сначала подумала, что кто-то ее укусил. «Вставай, что случилось?» – велела она. Девушка послушно поднялась, и лишь тогда женщина заметила подозрительно сильно вздувшийся живот, как у беременной. От испуга она отпрянула назад. От ее вскрика вздрогнула даже глухая дочь – почувствовала дурное.

Айсырга выдернула ее из таза и, затащив голую в крайнюю комнату, бросила на одеяла. Затем принялась внимательно ее осматривать, щупать живот. В животе что-то зашевелилось. Видимо, Айдидар потому и закричала, что почувствовала это шевеление.

– Бедная моя дочь! Когда же это ты залетела?! – запричитала мать.

Завидев слезы матери, дочь заплакала тоже. Она еще не понимала, что происходит у нее в животе, но догадывалась – что-то очень нехорошее.

– Кто это сделал? – спросила мать, придя в себя от шока. – Кто-то тебя обнимал, раздевал?

Айдидар объяснила жестами, что летом, когда была дома одна, приезжал незнакомец – это он ее обнимал, он ее раздевал. Бедная мать все поняла и, обняв крепко дочь, горько заплакала. Кого винить теперь в случившемся? Дочь? Так она, несчастная, никогда не заглядывалась на мужчин, избегала встреч с ними. Да и без того чувствует себя наказанной. Сделать аборт? Поздно. Малыш уже шевелится, дает знать о себе. Как на такое пойдешь – он же живой? И тут она вспомнила об отце.

– Ойбай-ай! А что мы твоему отцу скажем?! – почти крикнула она и снова зарыдала.

Айсырга одела дочь, помыла ей голову. Ухаживать за такими длинными, густыми волосами самостоятельно непросто. Потому-то и помогает она дочери их расчесывать и заплетать в косы.

Айсырга провела ту ночь без сна. Взирала мутными от горьких слез глазами на заглядывавшую к ней в окно новорожденную луну, тяжело вздыхала. Слушала храп мужа, лай Аккулака и Саккулака. Думала, как быть. Как сказать мужу о позоре? Теперь судачить будут все, кому не лень. Особенно будет злорадствовать Канбиби, жена младшего брата Сейтхана. Ой, как она любит обсуждать других. Об Айсырге, например, говорит: «Родила одну-единственную дочь и сбежала от людей, рядом со скотом и сама в скот превратилась».

Да, ей есть чем гордиться. Мать шестерых мальчиков и трех девочек. Вот только, став многодетной матерью, возомнила себя особенной, думает, имеет право учить окружающих уму-разуму. А сама еще та неряха. Если услышит, что кто-то хвалит Айсыргу за опрятность, за чистоту в доме, тут же начинает злословить: «Зачем вылизывать дом до блеска, если нет детей, которые могли бы написать на ее одеяла, если некому любоваться ее коврами. Со своей чистоплотностью оставила нашего деверя без потомства». ...Теперь-то будет у Канбиби повод посудачить.

«Если узнает об этом Сейтхан, прибьет обеих, – думала с ужасом Айсырга. – Чем позволить себя убить, лучше самой утопиться».

С этими мыслями она направилась к Или. Прихватила с собою лом. Стала бить им по льду с намерением прыгнуть в прорубь. Время от времени оглядывалась – не наблюдает ли за ней кто.

Зимовки вдоль Или располагались на большом расстоянии друг от друга. Их зимовка называлась Косагаш. Вокруг мертвая тишь. Кроме карканья ворон и бляенья овец по ночам ничего больше не услышать. Кустарники и туранга стоят голые, безлистые вдоль реки – словно смотрят на нее с укором. Айсырга приблизилась к проруби, посмотрела вниз. Спускаться в студеную, мутную воду стало боязно. Оглянулась назад – туда, где находился ее дом. Уходя, она разожгла в доме печь, и теперь над ним возвышалась тонкая струя дыма – поднималась в небо и там растворялась. «Неужели сама и погашу этот огонь в домашнем очаге? Как будет жить без меня Айдидар, несчастная калека? Ладно Сейтхан, он мужчина – найдет себе другую жену. А вот с дочкой что станет?» – подумала она и, испугавшись собственного намерения, отошла от проруби. Что ни говори, а жизнь – штука притягательная, расставаться с ней не просто. Не решилась Айсырга на такой шаг. Да и не могла позволить, чтобы и без того обделенная судьбой Айдидар осталась еще и сиротой.

Возле сарая ее встретил муж. Столь ранняя прогулка супруги вдоль реки насторожила его.

– Эй, где ты бродишь?

– Сейт, я хотела утопиться в проруби, да вас пожалела, – заплакала она.

– Что значит хотела утопиться?! Что случилось такого, чтобы захотеть смерти? – удивился он. – А может, ты устала от кочевой жизни?

Он говорил вкрадчиво, мягко, как давно с ней не говорил, пожалуй, со времен их первых свиданий. И голос этот, близкий, родной, растопил ее сердце.

– Унижены мы, Сейтхан, втоптаны в грязь, – причитала Айсырга, обнимая мужа.

Супруг от таких ее слов и вовсе растерялся.

– Не томи! Говори, что случилось!

– Хочешь, убей меня! Привяжи к лошади! Но не трогай Айдидар, ее вины нет.

Бросилась к нему в ноги и, обхватив их обеими руками, зарыдала пуще прежнего.

– Говори, Сырга!

– На жайляу, когда ты пас скот, а я уехала в аул за продуктами, приезжал какой-то мужик. Надругался над нашей Айдай. Мы опозорены!

– Что? – вскрикнул от неожиданности Сейтхан.

Больше он не смог произнести ни слова, лишь издавал какие-то отдельные звуки, больше похожие на рычание раненого зверя, нежели на человеческие слова. Не зная, куда себя деть, заметался из стороны в сторону. И вдруг устремился к коню. Вскочил на него, прищпорил гнедого и в мгновение ока исчез из виду.

Айдидар в тот момент находилась в доме, наблюдая за происходящим из окна.

* * *

Сейтхан вернулся с рассветом...

С утра все трое приступили к своим повседневным делам. О том, где пропал муж всю ночь, Айсырге не было никакого дела, она даже не задумывалась над этим. Ей хотелось лишь одного – чтобы все плохое осталось позади, вместе с этой злополучной ночью.

– Сырга, это все проклятье, выпавшее на мою голову. За те грехи, что совершал по молодости. «Зло, совершенное тобой, всегда возвращается», – так говаривала моя мать. И она была права, – произнес он на удивление спокойным голосом.

Айдай подумала, что речь идет о ней, и, сгорая со стыда, принялась нервно сминать край скатерти. Сырга, пораженная спокойствием и рассудительностью мужа, сидела молча.

– Дело ведь не в том, что ты не рожала мне детей. Трех сыновей мне родила. Но все они померли. Один – от чахотки, другой – от кори. А младшего сам не уберег – его затоптал прямо на моих глазах необъезженный скакун. А когда мы были вне себя от горя, словно в утешение нам, появилась эта немая девочка. Но и ее постигла злая участь – изнасиловал какой-то негодяй. И кому теперь что докажешь? Кого теперь винить? Если б это был кто знакомый, юноша какой, могли бы заставить на ней жениться. Кому теперь она нужна опороченная? Что ж, пусть смеются, злорадствуют. Но если ты утопишься в проруби, а я повешусь, разве кому-то станет от этого лучше? Разве сможет от этого Айдай заговорить? Значит, таков наш удел. Чего не приходилось нам пережить, стерпим и это унижение, – сказал он.

Сырга застыла в недоумении, не зная, как отнестись к словам мужа. Так и стояла с минуту с раскрытым ртом и выпученными от удивления глазами.

– Это я во всем виноват, Сырга. Тринадцатилетним подростком по неосторожности убил своего друга. Он был единственным сыном вдовы погибшего на войне солдата. Она меня прокляла. Хоть и переехали мы после того случая в другие края, проклятие то, видно, на мне так и осталось. И я чувствую, что несу наказание за свой проступок и буду нести до скончания моих дней, – сказал Сейтхан со слезами в голосе.

– Ну о чем ты говоришь, – утешала его сама плачущая Айсырга.

Увидев, как плачет отец, Айдидар выбежала на улицу и спряталась на сеновале. От собранной на берегу Или травы все еще пахло летом. Долго плакала она там, уткнувшись в сено. Она видела, как ее ищут родители, видела, как они волнуются, но меньше всего ей сейчас хотелось их внимания и заботы. Ей хотелось уединения.

После длительных и безрезультатных поисков супруги вернулись в дом. Айсырга взялась прибирать стол. Все у нее валилось из рук. Не выдержав, села на пол и снова расплакалась: «А если она вдруг решила покончить с собой? Что тогда будем делать?»

Но Айдидар не знала, что значит наложить на себя руки. Она и о смерти-то знала не многое. Все, чего сейчас ей хотелось – это не показываться на глаза родителям. Видимо, от долгого пребывания в лежачем положении, в одной и той же позе, существо в животе снова зашевелилось. Она уже начинала испытывать к нему неприязнь – к тому, который доставил столько хлопот и ей, и ее родителям. Хотя детей она очень любила. Видимо, оттого, что росла одна. Вплоть до вчерашнего дня играла в куклы, шила им нарядные одежды.

В этот момент ее заметил Аккулак – примчался к ней, громко и радостно залаял. На лай собаки прибежала и мать. Увидев дочь, приблизилась, бережно и нежно погладила по голове, поцеловала в лоб.

– В том, что случилось с тобой, нет твоей вины, бедный мой птенчик! – сказала она дочери и, взяв за руку, повела в дом.

* * *

Девушку на время передали в руки младшей сестры Айсырги, жившей по ту сторону реки. Так было решено на семейном совете. Решение это далось им непросто, но иного выхода они не видели. Время без Айдидар тянулось медленно – один день казался целым месяцем.

Айдидар родила ранней весной, в период окота овец. Разрешилась широколобым, краснощеким мальчиком. Вскоре весть дошла до ее родителей. Сейтхан хоть и ходил хмурый, насупив брови, про себя все же радовался появлению на свет мальчика. Будет теперь кому помогать пасти скот, будет кого учить приемам борьбы и кокпара.

Айсырга съездила к сестренке и обговорила с ней, как быть дальше: «Смотри за малышом до сорока дней, до тех пор, пока не сможет сам держать головку. А после я его заберу. Если кто будет спрашивать, скажу, что это твой ребенок».

Когда вернулась, муж поинтересовался о самочувствии младенца. Айсырга словно этого и ждала – выложила все – и все, что думает, и все, что чувствует. И в какой-то момент, поймав себя на мысли, что слишком разоткровенничалась, волнуемая новыми хлопотами, застыдилась.

– Что поделаешь, видимо, такова судьба наша, – сказал заметивший волнение супруги Сейтхан. – Радость на нашу голову спустя двадцать лет после рождения Айдай. Надо бы назвать его как-нибудь.

– Сами назовите. Потом съезжу в сельсовет и сделаю на него документы.

– Жили все эти годы одиноко, в отдалении ото всех, пусть же будет нам спутником, другом. И Айдай нужен будет друг. Назовем-ка его Сериком, – произнес он и следом прочитал молитву.

Супруга была довольна тем, что в такой трудный период их жизни муж смог проявить выдержку и терпение.

– Преклоняемся перед вашей рассудительностью. Давайте пожелаем этому свалившемуся на нашу голову чуду добра и благополучия.

Стоял холодный февральский вечер. Они сидели за столом и тихо разговаривали, деля меж собой одну лепешку. Теплый дом, теплый дастархан, затеплившиеся в выставших душах теплые чувства...

Перевод с казахского Г. Толегулы.

Досжан Сауле Магазбеккызы родилась в 1959 году в ауле Актан Уйгурского района Алматинской области. Окончила факультет журналистики Казахского государственного университета и юридический факультет Центрально-Азиатского университета.

Член Союза писателей и Союза журналистов Казахстана. Автор более десяти книг поэзии и прозы. Лауреат и победитель ряда международных фестивалей и конкурсов в области журналистики и литературы.

